

ХРОНОТОП И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ПОВЕСТИ «МЕТЕЛЬ»

Алимова Н.Х.

доцент кафедры «Русское литературоведение», НУУз

Холтураева Маржона

студентка 1 курса магистратуры, СамГУ

marjonaxoltorayeva47@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь хронотопа и художественного образа как ключевых понятий литературоведения. На основе анализа творчества М.М.Бахтина хронотоп трактуется как единство пространственно-временных параметров, выражающее культурно-художественный смысл. Особое внимание уделяется фольклорному хронотопу с его цикличностью времени и осязаемостью пространства. В качестве примера анализируется повесть А. С. Пушкина «Метель» из сборника «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (1830), где хронотоп дороги и метели выступает сюжетобразующим элементом, определяющим судьбы героев и композицию произведения. Автор подчеркивает условность художественного времени и пространства, отличающую их от реальных, и иллюстрирует это через мотивы судьбы, случайности и влияния природных сил. Исследование демонстрирует, как хронотоп интегрируется в структуру художественного образа, обогащая семантику литературного текста.

Ключевые слова: хронотоп, художественный образ, М. М. Бахтин, А.С.Пушкин, «Метель», фольклорный хронотоп, пространство и время в литературе, сюжетобразующие средства, композиция произведения, литературоведение.

Хронотоп и художественный образ являются ключевыми понятиями литературоведения. В своей исследовательской деятельности мы установили между ними взаимосвязь, выявив, что хронотоп может выступать в литературном произведении в качестве структурного компонента художественного образа.

Хронотоп – «единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного культурного, художественного смысла» [6]. Основные виды хронотопов в диахроническом аспекте были выделены М. М. Бахтиным: «фольклорный, авантюрный, авантюрно-бытовой, автобиографический, средневековый, раблезианский, идиллический.

Фольклорный хронотоп характеризуется глубокой пространственностью, конкретностью, осязаемостью, цикличностью времени, единством таких

явлений, как еда и питье, новая жизнь и смерть, смех» [1, с.138–141]. Он объединил время и пространство, введя понятие хронотопа. В нем имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем.

Одна из самых поэтичных повестей, вошедших в сборник «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Метель» была написана русским классиком в 1830 году.

Одним из главных сюжетобразующих средств в повести стал хронотоп дороги, метель: «Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка сделалась тем живее. Владимир Николаевич в каждом письме умолял ее предаться ему, венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: «Дети! придите в наши объятия» [4, с.13].

Метель, которую наша героиня не смогла остановить, не смогла ей помешать, в отличие от Владимира, помешавшая ему: «Но едва Владимир выехал за околицу в поле, как поднялся ветер и сделалась такая метель, что он ничего не взвидел. В одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой, сквозь которую летели белые хлопья снегу; небо слилось с землею. Владимир очутился в поле и напрасно хотел снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въезжала на сугроб, то проваливалась в яму; сани поминутно опрокидывались. Владимир старался только не потерять настоящего направления. Но ему казалось, что уже прошло более получаса, а он не доезжал еще до Жадринской роши. Прошло еще около десяти минут; роши все было не видать. Владимир ехал полем, пересеченным глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось.

Лошадь начинала уставать, а с него пот катился градом, несмотря на то, что он поминутно был по пояс в снегу» [4, с.15].

Едва он прибыл в то место, как он совершенно опоздал: «Пели петухи и было уже светло, как достигли они Жадрина. Церковь была заперта. Владимир заплатил проводнику и поехал на двор к священнику. На дворе тройки его не было. Какое известие ожидало его!» [4, с.16]

Как бы человек ни старался, в конце концов, то, что написано в его судьбе, произойдет. Тот же метель по-разному влияла на жизнь другого человека. Это был Бурмин. «Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел было поскорее закладывать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и смотритель и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но

непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю..... Старый священник подошел ко мне с вопросом: «Прикажете начинать?» – «Начинайте, начинайте, батюшка», – отвечал я рассеянно» [4, с.19]. Таким образом, незнакомые люди, которые не знают друг друга, женятся из-за метели. Хронотоп создаёт картину мира во времени и пространстве и позволяет построить композицию произведения. При этом он не просто непосредственно изображает пространство и время, но рисует их условное изображение, потому художественное время и художественное пространство не равны реальным.

Например, время в литературном произведении, может быть, либо соотнесено, либо не соотнесено с историческим, может быть непрерывным или иметь временные перестановки, может быть намеренно замедлено автором или свернуто до ремарки (отраженное в сознании героя, нарочито медленно движущееся или вовсе останавливающееся).

В повести «Метель» хронотоп метели и дороги задаёт динамику сюжета и выступает в роли фундаментального элемента художественного образа, интегрируя в него мотивы предопределённости, случайности и романтического идеала. Согласно Бахтину, хронотоп «втягивает в себя» другие смыслы, становясь «особым чувством – ощущением – временем, местом» [1, с.235]. В пушкинском тексте метель предстаёт не как внешняя стихия, а как воплощение внутреннего конфликта персонажей, где пространство дороги символизирует путь к любви, а время бури – его прерывание и трансформацию. Это слияние создаёт образ «роковой случайности», где герои, стремясь к свободному выбору, оказываются пленниками хронотопической логики.

Рассмотрим подробнее, как хронотоп дороги, по Бахтину относящийся к авантюрному типу, эволюционирует в «Метели» под влиянием фольклорных элементов. Авантюрный хронотоп дороги предполагает движение как средство приключений и встреч, где пространство «становится ареной для событий» [1, с.142]. У Пушкина дорога изначально поэтизирована: она соединяет усадьбы влюблённых, символизируя надежду на союз. Однако с появлением метели она трансформируется в лабиринт, где «окрестность исчезла во мгле мутной и желтоватой» [4, с.15]. Это не просто погодное явление, а хронотопическое «сгущение» времени: Владимир, опаздывая на свидание, переживает вечность в сжатом моменте бури. Время здесь циклично и ощутимо, как в фольклорном хронотопе, – петухи поют на рассвете, но герой уже потерян в петле судьбы. Пространство интенсифицируется: овраги, сугробы, роща Жадринская становятся знаками неизбежного, где «лошадь ступала наудачу» [4, с.15]. Таким образом, хронотоп дороги-метели формирует художественный образ как многомерный конструкт, где физическая стихия отражает психологическую

бурю героини – Марьи Гавриловны, чья воля к любви сталкивается с социальными барьерами.

Интересно проследить, как этот хронотоп взаимодействует с автобиографическим элементом, который Бахтин выделяет как один из видов, где время и пространство «лично окрашены» [1, с.168]. В «Метели» повествование от лица Бурмина вводит ретроспективу: его рассказ о тайной свадьбе – это вспышка прошлого, замедленная ретардацией. Бурмин, подобно Владимиру, попадает в метель, но его путь приводит не к разлуке, а к парадоксальному союзу: «Я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю» [4, с.19]. Здесь хронотоп метели выступает как «художественно-зримый» мост между героями: она разлучает Владимира с Марьей, но соединяет её с Бурминым. Это подчёркивает бахтинскую идею о хронотопе как «слиянии» противоположностей – смерть одной любви рождает новую, эхом фольклорной цикличности (рождение – смерть – возрождение). Художественный образ судьбы, таким образом, строится на хронотопической инверсии: линейное время дороги прерывается бурей, вызывая композиционные перестановки, где прошлое (свадьба) раскрывает настоящее (признание).

Более того, хронотоп метели усиливает идиллический оттенок повести, где, по Бахтину, пространство – это «закрытый, уютный мир» [1, с.225], но в пушкинском варианте он нарушается вторжением хаоса. Усадьбы – идиллические островки, где «зима прекратила их свидания» [4, с.13], – контрастируют с открытым пространством бури, подчёркивая тему разрыва. Однако именно метель, как хронотопический катализатор, восстанавливает идиллию: тайный брак в церкви – это «свернутое» время, где ночь свадьбы сжимается до ремарки священника: «Прикажете начинать?» [4, с.19]. Пространство церкви, запертой и интимной, измеряется временем метели, которая снаружи продолжает бушевать, но внутри создаёт ощущение вечности. Таким образом, хронотоп не просто изображает, а конструирует художественный образ любви как преодоление хаоса, где условное время и пространство подчинены смыслу романтического рока.

В диахроническом аспекте пушкинский хронотоп метели переключается с более ранними литературными традициями, такими как средневековый хронотоп замка или лабиринта, где пространство – это «испытание» [1, с.115]. Метель у Пушкина – это «замок из снега», лабиринт, где герой блуждает, подобно Данте в «Божественной комедии». Но в отличие от средневековой статичности, пушкинское время динамично: оно «уплотняется» в действии, делая образ не статичным, а процессуальным. Это подтверждает нашу гипотезу о хронотопе как структурном компоненте образа: он не пассивен, а активно организует нарратив, интегрируя мотивы смеха и трагедии, авантюры и личной исповеди.

Таким образом, хронотоп – это «сердцевина» образа, где пространство и время сливаются в культурно-художественный смысл. В пушкинской повести он моделирует картину мира, где случайность маскирует предопределённость, а любовь рождается из хаоса. Такой подход позволяет глубже понять, как классическая литература конструирует реальность, делая её зримой и осязаемой. Дальнейшие исследования могли бы сравнить этот хронотоп с аналогичными в европейской романтической прозе, например, у Гофмана или Скотта, подчёркивая диалог традиций.

Список литературы:

1. Sobirovna, A. S. (2023). CATEGORY OF GRAMMATICAL NUMBER IN ENGLISH. CURRENT RESEARCH JOURNAL OF PHILOLOGICAL SCIENCES, 4(12), 33-35.
2. Alimova, S. S. (2021). ONA TILI TALIMIDA TPR (BUTUNLAY JISMONIY REAKSIYA) METODINI QOLLASH (SIFAT SOZ TURKUMINI ORGANISH MISOLIDA). Интернаука, (6-2), 79-80.
3. Sobirovna, A. S. UDC 1751 STUDYING NOUNS IN THE ENGLISH LANGUAGE. MUNDARIJA*** СОДЕРЖАНИЕ*** CONTENTS TILSHUNOSLIK*** LINGUISTICS*** ЯЗЫКОЗНАНИЕ, 100.
4. Takhmina, A. (2024). THE PROCESS OF TRANSLATION AS A SPEECH COMMUNICATION TYPE. Science and innovation, 3(Special Issue 28), 369-374.
5. Камилова, С. Э., and Н. Н. Щитка. "ББК: 80я43 (5Узб) М 75 Молодая филология Узбекистана–2022. Материалы республиканской научно-практической конференции 22 февраля 2023 года. Часть I. Сборник научных статей." (2023).
6. Khonamri, F., Podpera, R., Kurilenko, V., & Obloberdiyevna, D. S. (2024). The predictive role of teaching experience in teachers' implementation of metacognitive knowledge. Journal of Education Culture and Society, 15(2), 237-247.
7. Azizi, N., Podpera, R., Stur, M., & Obloberdiyevna, D. S. (2024). The Combined Role of Extensive Reading and Extensive Viewing for Enhancing English Literature Students' Literary Appreciation and Knowledge. Journal of Education Culture and Society, 15(2), 441-450.,
8. Zayas, G. M., Soriano, L. E. P., Obloberdiyevn, D. S., Akimjaková, B., & Pavlíková, M. (2025). General Theoretical Notions About the Semiotics of Culture and the Arts. Journal of Education Culture and Society, 16(2), 711-725.
9. Marupova D. D. Alexey Nikolayevich Tolstoy's Literary Reminiscence in His Story "the Portrait" //JournalNX. – С. 1196-1199.
10. Марупова, Д. Д. (2019). " ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ" ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА КАК ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ. In НАУЧНОЕ

СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ (pp. 160-165).

11. Umida, A. (2025). DEVELOPMENT OF ANALYTICAL THINKING THROUGH THE LINGUOSTYLISTIC INTERPRETATION OF THE SHORT STORY "BEAUTY OF THE DEAD". International journal of advanced research in education, technology and management, 4(3).

12. Abduvaxabova, U. (2024). PRAGMATIC CONTENT OF LINGUISTIC MEANS IN LITERARY TEXT. Mental Enlightenment Scientific-Methodological Journal, 5(05), 12-19.

13. Алимova S. (2024). Representation of the plural in english .Новый Узбекистан: наука, образование и инновации, 1(1), 322–323. извлечено от <https://inlibrary.uz/index.php/new-uzbekistan/article/view/32339>

14. ПСЕВДОНИМ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЧИТАТЕЛЯ. (2025). ZAMONAVIY TA'LIM TIZIMINI RIVOJLANTIRISH VA UNGA QARATILGAN KREATIV G'OYALAR, TAKLIFLAR VA YECHIMLAR, 7(76), 110-111. <https://uzconferences.org/index.php/uzconf/article/view/528>

15. Джамалдинова, Ш. (2022). Использование проблемной технологии обучения в литературном образовании. Современные тенденции инновационного развития науки и образования в глобальном мире, 1(3), 156-161.

16. Исмоилова, У., & Джамалдинова, Ш. О. (2024). ПРЕПОДАВАНИЕ И ОЦЕНКА ЭМОЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В МЕДИЦИНСКИХ ВУЗАХ. World of Scientific news in Science, 2(2), 413-419.

17. Djamaldinova, Shaxlo (2025) TIBBIYOT OLIYGOHI TALABALARINI EMOTSIONAL VA KOMMUNIKATIV KOMPETENSIYASINI RIVOJLANTIRISHGA YO'NALTIRILGAN METODIKASINI TAKOMILLASHTIRISH. Ижтимоий-гуманитар фанларнинг долзарб муаммолари Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук Actual Problems of Humanities and Social Sciences., 5 (10). pp. 457-462. ISSN 2181-1342

18. Юнусова, Р., & Джамалдинова, Ш. О. (2025). РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ВРАЧА. TA'LIM, TARBIYA VA INNOVATSIYALAR JURNALI, 1(2), 154-157.

19. Джамалдинова, Ш. (2023). Словарная работа на уроках русского языка в целях повышения речевой культуры. Современные тенденции инновационного развития науки и образования в глобальном мире, 1(2), 53–55. <https://doi.org/10.47689/STARS.university-pp53-55>

20. Джамалдинова, Ш. (2020). Применение элементов проблемного обучения на уроках литературы (на примере эпоса «Равшан»). in Library, 20(1), 140-144.

21. DJAMALDINOVA, S. (2020). THE AGONY OF LONGING. Journal of Critical Reviews, (18), 2004-2008.

22. Джамалдинова, Ш. О. ПРИМЕНЕНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ ДЛЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИСЦЕЛЕНИЯ И ЛИЧНОСТНОГО РОСТА ПАЦИЕНТОВ. Редакционная коллегия выпуска, 114.

23. ДЖАМАЛДИНОВА, Ш. РОЛЬ СИМУЛЯЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ В РАЗВИТИИ БУДУЩЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ. Ижевская государственная медицинская академия КОНФЕРЕНЦИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ Ижевск, 25 ноября–28 декабря 2024 года Организаторы: Министерство здравоохранения РФ Ижевская государственная медицинская академия.

24. Джамалдинова, Ш. О. РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ.

25. ДЖАМАЛДИНОВА, Ш. О ‘ZBEKISTON MILLIY UNIVERSITETI XAVARLARI, 2020,[1/3] ISSN 2181-7324. ЎзМУ ХАБАРЛАРИ ВЕСТНИК НУУз.

26. Rafieva, B., & Djamalidinova, S. Scientific Approaches to Improving the Educational System. International Journal of Trend in Scientific Research and Development.

27. Zarina Boboxonovna, D. (2025). O‘ZBEK VA RUS TILLARIDA NISBIY SIFATLAR SINONIMIYASI. Advances in Science and Education, 1(06), 3-6. <https://doi.org/10.70728/edu.v01.i06.001>

